

Предисловие переводчика к первому русскому изданию

Дело было весной 1942 года. Невесть откуда взявшийся американский бомбардировщик запросил посадку во Владивостоке. Приземлившись, летчики объяснили, что они сбросили бомбы на Токио и едва-едва, почти с пустыми баками, дотянули до российского Приморья. В войне на Тихом океане СССР был тогда нейтральной стороной, и с американцами поступили как положено — их интернировали.

Что за связь между этим случаем и книгой, которую вы держите в руках? В общем-то никакой.

А может, есть все-таки некая переключка слов и обстоятельств, событий и мыслей? Ну, вроде того, что американские летчики тоже «потеряли горизонт»? Либо, заглядывая уже в первые страницы романа Хилтона, не обратить ли внимание, что и там речь идет о злоключениях, выпадающих порой на долю авиаторов? Эти вопросы нагромождены здесь, разумеется, нарочно, «для приманки». Скоро они отпадут, туман рассеется. Но прежде читателям хотелось бы кое-что подсказать — или предложить.

Вот что. Роман Хилтона из тех, что создают настроение. Он пробуждает добрые чувства. Он наводит на размышления — порой очень серьезные и не всегда грустные. И он куда-то манит, к чему-то зовет. Так вот, если, прочитав книгу, вы почувствуете, что душа рвется в неведомые дали, жаждет устремиться к глубинам таинственного, откликнетесь на ее порыв. Сделать это можно сравнительно простым и привлекательным способом: попытаться выяснить судьбу американских летчиков, попавших тогда во Владивосток. У нас наверняка сохранились где-нибудь соответствующие бумаги, а в США, надо думать, все давным-давно освещено в открытой печати. И тем не менее почему не покопаться в забытой истории? Не разыщутся ли находки, которые по нынешним временам окажутся ценнейшими открытиями.

И еще это послужит напоминанием, что пережитое в прошлых поколениях не всегда утрачивает интерес и смысл для тех, кто пришел им на смену. Тем же, собственно, оправдано и сегодняшнее русское издание «Потерянного горизонта» — книги, которая появилась почти шестьдесят лет назад и сразу покорила многие умы и души западного, во всяком случае, англосаксонского мира.

Вашему вниманию предлагается знаменитое, по-своему выдающееся произведение. Правда, серьезные исследователи английской литературы 30-х годов о Хилтоне, как правило, даже не упоминают. Основания у них такие же, по каким в курсы истории русской литературы XIX века часто не попадает Боборыкин. Но, как известно, не кто-

нибудь, а именно Боборыкин подарил миру слово, понятие «интеллигенция». Сродни этому и заслуга Хилтона. Его «Потерянный горизонт», пусть и не признаваемый за жемчужину художественной прозы, обогатил словарь человеческой цивилизации, дал людям понятие, соединившее в себе их светлые надежды, и неясные мечты, и горькие сомнения.

Джеймс Хилтон (1900—1954) написал множество романов. Пробовал себя и в драматургии. Но только «Потерянный горизонт», созданный за шесть недель весной 1933 года, принес ему широкую известность. За эту книгу он был удостоен премии Хоторндена, ежегодно присуждаемой английскому писателю, не достигшему сорокалетнего возраста. Среди других лауреатов в разные годы были Ивлин Во, Грэм Грин, Алан Силлитоу. Их читают и поныне. А Хилтон забыт.

Забыт и великий фильм «Потерянный горизонт», который в 1937 году снял в Америке режиссер Фрэнк Капра. Успех картины был так велик, что легко оправдались беспримерные по тем временам затраты на ее создание — два с половиной миллиона долларов. Достались творцам фильма и два «Оскара». В 1952 году последовала еще одна попытка представить роман Хилтона на экране. На сей раз неудачная. И в 1973 году был поставлен мюзикл по мотивам романа, долго не сходивший с экрана.

Но к тому времени очарование «Потерянного горизонта», выражаемое одним словом, «Шангри-ла», уже жило самостоятельной жизнью, оторвавшейся и от книжной, и от кинематографической первоос-

новы. Вошло, например, в оборот выражение «взять билет до Шангри-ла». Оно могло означать просто сборы в отпуск, освобождающий от повседневных забот. А могло быть и циничным выкриком больного сознания, жаждущего погрузиться в наркотический кайф. Во всяком случае, достаточно стало произнести «Шангри-ла», чтобы излить тоску по счастливой, осмысленной жизни, заявить о неприятии мерзостей этого заблудшего мира.

Не обошлось и без стараний придать выдумке Хилтона ощутимые черты действительности. Призрак начал воплощаться в дереве и камне. Дальше всех продвинулся, наверное, президент Рузвельт. С началом войны яхта «Потомак», на которой он обычно отдыхал от хлопот Белого дома, стала вожаделенной мишенью для противника. И тогда в отрогах Аппалачей появился загородный приют президента США. Сегодня это всем известный Кэмп-Дэвид. Но так его назвал Эйзенхауэр по имени своего внука. А Рузвельт, не лишенный склонности к лиризму и романтике, окрестил свое тихое прибежище «Шангри-ла».

Отсюда как раз и протягивается тонкая, непрочная, но все-таки ниточка связи между романом Хилтона и американским самолетом, залетевшим во Владивосток.

После катастрофы в Перл-Харборе минуло несколько месяцев, а США все не могли нанести японцам ответного удара. Президент не находил себе покоя. Наконец явилась идея, за которую Рузвельт ухватился обеими руками. Планировалось

использовать авианосцы как базу для воздушного налета на Японию. Хитрость же состояла в том, что кораблям надлежало оставаться за 500 миль от Японских островов. Отсюда самолеты могли добраться до цели. Но на обратный путь горючего бы не хватило. Тем и хорош был план, что он готовил полную неожиданность для японцев, которые, конечно же, не допускали, что американцы станут вести себя наподобие камикадзе. А те и не собирались. Сбросив бомбы, самолеты должны были проследовать чуть дальше и найти себе посадочные площадки на материке, предположительно в Китае. Так все и произошло. Во Владивосток попал единственный «заблудившийся» «Б-25».

Успех был огромный, не столько, правда, военный, сколько политический. Корреспонденты со всего мира осаждали Рузвельта вопросами, недоумевали, откуда могла появиться над Японией американская воздушная армада.

— Как откуда? — отвечал президент. — У нас же есть база в Гималаях. Называется «Шангри-ла».

Свою шутку он впервые опробовал на помощнике-секретаре Уильяме Хассете. Тот тоже сначала не мог взять в толк, как можно было устроить эту бомбардировку при существовавших ограничениях в радиусе действий «Б-25». А услышав от Рузвельта насчет базы «Шангри-ла», только заморгал глазами. Явно не понял намека, не оценил юмора.

Описывая эту беседу президента с помощником, знающие авторы не упускают случая отметить: Хассет не читал Хилтона. Могли бы, кстати,

добавить, что он и фильма «Потерянный горизонт» не видел. И более того, он никогда не задумывался, откуда взялось и что означало название загородной резиденции, где он сам постоянно бывал и где утром 19 апреля 1942 года происходил этот разговор.

Так или иначе, одно не подлежит сомнению: и в 30-е годы Хилтона читали не все, тем более не все им упивались. В этом отношении разница между Рузвельтом и Хассетом очень показательна. Один, хотя и президент, находил время, чтобы наслаждаться чудесной выдумкой. Другой, всего лишь «аппаратчик», был слишком занят, чтобы уделять внимание таким пустякам.

У нас тоже не все, наверное, поддадутся обаянию «Потерянного горизонта». Но вообще-то друзья этой книги в нашей стране появились давно, и их немало. Среди тех, кто читает по-английски, роман Хилтона уже десятилетиями ходит по рукам. Теперь, с выходом русского издания, круг его читателей и почитателей расширится. И не исключено, что у нас-то он найдет самую благодарную аудиторию, а его литературная и общественная судьба обретет новое дыхание. Мы, евразийцы, в каком-то смысле гораздо лучше, чем европейцы, чем американцы, подготовлены к восприятию завораживающих видений, которые помогают мечтать о безмятежной, блаженной жизни.

Впрочем, приглашая к чтению этой книги, не мешает отметить, что она способна доставить удовольствие любителям детективов, фантастики и приключенческой литературы.

Пролог

Сигары угасали, и мы чувствовали, что надвигается разочарование, обычно подстерегающее старых школьных товарищей, которые, встретившись взрослыми, обнаруживают вопреки всем ожиданиям, как мало между ними общего. Разерфорд писал романы. Уайленд служил секретарем посольства. Он как раз и устроил нам ужин в Темплхофе¹, и сделал это, как я угадываю, без особого удовольствия, хотя всем своим видом выказывал спокойное благодушие, приличествующее дипломату в подобных случаях.

Мы были тремя англичанами-холостяками в столице чужого государства. Кроме самого этого обстоятельства, ничто на свете не могло бы, по-видимому, свести нас вместе, и в душе я не преминул отметить, что легкое высокомерие, отличавшее Уайленда еще в школе, отнюдь не исчезло ни с годами, ни в результате награждения его боевым орденом. Разерфорд нравился мне больше. Приятно

¹Темплхоф — аэропорт Берлина. — *Здесь и далее примеч. пер.*

было смотреть на зрелого мужчину, выросшего из тощего, робкого ребенка, которого я некогда попеременно то притеснял, то опекал. Можно было догадаться, что среди нас троих у него самые высокие доходы и самая интересная жизнь. Такое предположение связывало меня и Уайленда по крайней мере одним общим чувством — завистью.

Встреча наша тем не менее вовсе не была скучной. Удовольствие доставляла сама возможность любоваться громадными самолетами «Люфтганзы», прибывавшими со всех концов Центральной Европы. И в сумерках, разгоняемых огнями аэропорта, нам открывалось воистину пышное театральное зрелище.

Приземлился английский самолет, и командир экипажа в полном летном обмундировании, проходя мимо нашего стола, поприветствовал не узнавшего его поначалу Уайленда. Потом все перезнакомились, и летчика пригласили присоединиться к нашему обществу. Этого обаятельного, веселого парня звали Сандерс. Извиняющимся тоном Уайленд высказал несколько соображений насчет того, как трудно узнать человека, если он облачен в комбинезон да еще голова его упрятана в шлем. В ответ Сандерс рассмеялся и сказал:

— Ну разумеется. Мне это хорошо известно. Не забывайте, я ведь был в Баскуле.¹

¹ Баскул — одна из географических выдумок Хилтона; «подделка» под топонимику северо-западной Индии (ныне Пакистана) и Афганистана (ср. Кабул).

Уайленд тоже улыбнулся, но как-то натянуто, и разговор тут же ушел в сторону.

Присутствие Сандерса оживило наше застолье, и мы дружно навалились на пиво. Около десяти Уайленд приметил знакомого за соседним столом и отошел с ним поговорить. Разерфорд воспользовался этим и обратился к Сандерсу:

— Кстати, вы упомянули Баскул. Я немного знаю это место. А что, собственно, там случилось?

Сандерс улыбнулся, явно смущенный:

— Да так, кое-какие переживания по службе. — Но он был из тех молодых людей, что не умеют долго противостоять соблазну поделиться сокровенным. — В общем, так. Какой-то афганец или африди¹, или черт знает, кто еще, угнал одну из наших колымаг. Можете себе представить, как нам за это досталось. Кошмар, да и только. Угонщик набросился на пилота, выкинул его из кабины, напялил его шлем, уселся за штурвал — и никто ничего даже не заметил. Просигналил механикам, все как положено. Милейшим образом взмыл в небо — и исчез. Загвоздка в том, что больше его никогда не видели.

Разерфорд заинтересовался:

— Когда это произошло?

— Ну, примерно год назад. В мае тридцать первого. Мы вывозили гражданское население из Баскула в Пешавар. Из-за мятежа. Вы, наверное, помните это. Порядка там немножко не хватало,

¹ Африди — самоназвание пуштунского племени.

иначе, я думаю, ничего подобного бы не произошло. Но ведь случилось, и это по-своему подтверждает, что за одежкой можно не разглядеть человека.

Разерфорд не унимался в расспросах:

— Как мне представляется, у вас там были такие самолеты, что каждому требовался целый экипаж. Один человек просто не справился бы. Разве не так?

— Верно. На обычных транспортных самолетах летали командами. Но это была особая машина. Ее сделали специально для какого-то махараджи, этакая роскошная техническая штучка. Индийская топографическая служба пользовалась ею для полетов над Кашмиром на очень больших высотах.

— И вы говорите, в Пешаваре он так и не появился?

— Нет, не появился. И вообще, как мы ни старались, обнаружить его не смогли нигде. Это-то и странно. Возможно, он рассчитывал добраться до своего племени где-нибудь в горах, а потом потребовать выкуп за пассажиров. Думаю, однако, что все они погибли. Там, вдоль Границы¹, полно таких мест, где вы можете разбиться и никто никогда вас не найдет.

— Да, я знаю эту местность. Сколько было пассажиров?

¹ Граница — принятое среди британских колониальных чиновников обозначение территории Индии, прилегавшей к Афганистану.